

Глава 14. Путь (часть 2)

— Война за войной... — старик тяжело вздохнул, его голос тонул в шуме ливня. — Царь Драконов разгневался. Столько дней льёт как из ведра, урожай погублен. Грядут тяжкие времена...

Чэнь Гэ безучастно смотрел на капли, срывавшиеся с его волос. Они нанизывались друг на друга, точно прозрачные жемчужины на невидимую нить. Вокруг всё хлюпало и ревело. Десяток человек втиснулись в крохотную развалюху; дождевая вода с противным чавканьем сочилась сквозь прорехи в соломенной крыше.

Старики, скрестив ноги, заняли единственное сухое место — остывший кан. Опираясь на потемневшие от сырости клюки, они горестно причитали, проклиная бесконечную осень.

Чэнь Гэ всё же внял советам того странного «литературного» мужика. Он попробовал пройти на север мили две-три, но обнаружил, что из-за ливней реки вышли из берегов. Под раскаты грома он повернул на юг. Логика была проста: если на севере потоп, то на южных переправах уровень воды уж точно не должен быть критически низким.

Жизнь быстро доказала, что он был чересчур наивен.

— Дядь, отсюда на запад, через Линху и Юньчэн, а там через переправу Пуцзинь — верно?! — крикнул он, пытаясь перекрыть шум воды.

Трое или четверо мужчин в лохмотьях заговорили наперебой:

— На запад сначала до деревни Матоуцунь! До Линху там рукой подать, дорога лёгкая!

Другой вклинился:

— Этих Матоуцунь две! Тебе за реку надо, так сначала иди в Верхнюю Матоуцунь, а оттуда уже на запад!

Небо расколола ослепительная молния, следом грохнул гром. Люди в хижине испуганно вскрикнули, запричитали о «драконьем рыке» и «небесной каре». Начался сущий хаос.

У Чэнь Гэ голова шла кругом. Какая ещё Верхняя Матоуцунь, какая Нижняя? «Ладно, — решил он, — на месте разберусь».

— Спасибо! — крикнул он мужчинам.

— На западе, поди, тоже вода поднялась! Опасно!

— Благодарю! Мне пора!

Люди посмотрели на него с жалостью, как смотрят на дурачка. Кто-то даже всучил ему дырявую плетёную шляпу-доули. Толку от неё было мало, но всё же. Чэнь Гэ надел шляпу и шагнул в стену дождя, покидая первую деревню, встреченную им после Пустоши Цзинсин.

Он бежал под ливнем полдня. Защитный костюм, хоть и был водонепроницаемым, не справлялся с таким напором: вода просачивалась сквозь манжеты, ворот и многочисленные заплатки. Вскоре на нём не осталось ни единой сухой нитки. Грязь и пыль многих дней пути, осевшие на лице, смыло потоками; кожа белела, чёрные волосы налипли на лоб. В этом разоренном, терзаемом войной мире он выглядел существом из другой реальности.

— Здравствуйте! Скажите, это Верхняя Матоуцунь?

— Чего?!

— Деревня Матоуцунь!

— Одна она тут такая!

Ливень хлестал так, что перед глазами всё плыло. Чэнь Гэ с трудом отыскал жилой дом. Увидев, что люди перетаскивают вещи на возвышенность, он, не раздумывая, засучил рукава и бросился помогать тащить тяжёлый чан.

К вечеру дождь немного утих. До полуночи селяне пытались развести огонь, и в конце концов им удалось сварить в огромном котле жидкую кашу. В тесной комнате набились чумазые жители; они ели из щербатых мисок, битых горшков и даже с широких листьев.

Чэнь Гэ, стараясь не привлекать внимания, забился в угол. Еды он не просил, лишь надеялся на ночлег. Крестьяне то ли боялись незнакомца, то ли просто были не слишком гостеприимны: его не гнали, но и заговаривать не спешили.

Он поспал всего несколько часов. Снаружи было всё так же темно, хотя дождь заметно ослаб. Чэнь Гэ размял затекшие конечности, сладко зевнул и, преодолевая ломоту во всём теле, поднялся. Нужно было идти дальше.

Шёл одиннадцатый день пути. В душе росла необъяснимая тревога.

«Только бы со старшим братом ничего не случилось», — билась в голове одна и та же мысль.

Погода, казалось, смиростивилась. Небо всё ещё хмурилось, но тяжёлые тучи решили взять передышку. Чэнь Гэ приободрился. Он бежал на юг всё утро и к полудню добрался до переправы.

— Дедушка, когда паром отправится? — с надеждой спросил он старого лодочника.

Старик, видимо, был совсем глух. Он не понял вопроса и лишь замахал руками, крича:

— Назад! Иди назад!

Чэнь Гэ пытался докричаться до него, пока не охрип, но всё без толку. В итоге он сдался.

Старик хлопнул ладонью по борту, жестом приглашая сесть, и пронзительно, нараспев выкрикнул что-то в сторону зарослей.

Из кустов один за другим начали выходить люди. Лодочник продолжал орать: «Назад! Назад!», и все они послушно карабкались в дырявое судно. Удивительно, но крохотная лодчонка умудрилась вместить десяток человек. Ватерлиния опустилась до опасного предела. Наконец старик пересчитал головы, протяжно выкрикнул и отчалил.

Чэнь Гэ никогда раньше не плавал на таких посудинах. Он не знал, куда деть руки и ноги, и старался сжаться в комок, чтобы не занимать места.

— Простите, — шептал он, — я вас не сильно стеснил?

— Да брось ты, парень, — отозвался кто-то из толпы. Воздух в лодке был тяжёлым от запаха пота и невымытых тел. — Всем сейчас несладко.

— На севере вроде поспокойнее было. Зачем тебе сюда?

— На юге беда совсем. Мы вот за ягодами лесными... Сынок, а родители твои где?

У Чэнь Гэ защемило в груди, но слёз не было. Он лишь качнул головой:

— Наводнение... Мы со старшим братом потерялись. Я ищу его.

— Всё наладится. Переживём...

— Лодка! Старик Бай, лодка течёт!

Старое судно, пережившее бури, решило сдаться именно в этот затишный день. Вода хлынула внутрь. Люди, не дожидаясь беды, попрыгали за борт.

Лодочник, несмотря на возраст, оказался на редкость проворным. Он бросил судно и, ухватив Чэнь Гэ за плечо, потащил его к берегу.

Однако река была слишком широкой, а течение — коварным. Старик, всю жизнь проведший на воде, внезапно ослаб: ноги свело судорогой, и его начало затягивать в водоворот.

Чэнь Гэ сам едва держался на плаву. Наглотавшись мутной воды, он вцепился в старика и, отчаянно барахтаясь, всё же вытащил его на сушу.

Обоих подхватили те, кто успел выбраться раньше. Чэнь Гэ было совсем худо: лёгкие и желудок были полны речной воды. Дыхание перехватило, перед глазами поплыли чёрные пятна. На висках вздулись вены, и, содрогнувшись в конвульсии, он потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, вокруг царил непроглядная ночь.

— Очнулся!

Чэнь Гэ резко сел, выскочил из хижины и, вцепившись в изгородь, зашелся в рвоте. Из него вылетела живая, трепещущая рыбешка. Мальчишка, приглядывавший за ним, радостно подобрал её. Чэнь Гэ, вспомнив, что он только что сделал, снова согнулся пополам.

Чуть позже старик, малец и Чэнь Гэ уселись на кане перед миской с дымящейся рыбой. Лодочник протянул ему щербатую плошку, жестом веля есть.

— Я правда не голоден, ешьте сами, — покачал головой Чэнь Гэ. — Спасибо, что спасли меня.

Мальчик улыбнулся и налил ему пол-ковша бульона:

— Дедушка плохо слышит. Это ты его спас, так что он велит тебе есть первому.

Чэнь Гэ упорствовал. Вспомнив, что в кармане штанов лежит свёрток с вяленным мясом, он вытащил его. Мясо чудом не испортилось.

— У меня вот что есть. Угощайтесь. Будем добры друг к другу.

У мальчишки потекла слюна. Дед разрешил внуку взять кусочек, но сам наотрез отказался. Чэнь Гэ не стал настаивать и убрал припасы.

Снова припустил дождь. Крыша жалобно скрипнула, по ней что-то тяжело ударило, и в щель между балками провалилось несколько золотистых перьев. Мальчик азартно схватил рогатку и выстрелил в дыру, но когда Чэнь Гэ полез наверх с охапкой соломы, чтобы подлатать кровлю, там никого не оказалось.

Ночью они спали втроем на узком кане. В щели свистел ветер, в комнате было сыро и зябко.

Мальчик, всё ещё под впечатлением от мяса, не мог уснуть:

— Это деревня Лянцзяцунь. А тебе в Линху надо? Так это ж на севере.

В голове Чэнь Гэ всё окончательно запуталось.

— Да как же так? — выдохнул он. — Мне же говорили, что Матоуцунь только одна!

Старик что-то прошамкал, и внук перевёл:

— Тебя обманули! Их две: Верхняя и Нижняя. У одной выезд на север, у другой на юг. Деревни эти вечно враждуют, вот каждый и твердит, что его Матоуцунь — единственная правдивая. Мы с дедом там в прошлом году были.

Чэнь Гэ прикрыл глаза. Как бы ни хотелось отрицать реальность, мир не собирался под него подстраиваться. Пришлось признать: он заблудился.

Поскольку лодка была разбита, старик больше не мог перевозить людей. Чэнь Гэ решил рискнуть и перебраться через реку на переправе Маоцзинь, что за заставой Ханьгу. Старик, используя свой опыт, через внука подробно расписал путь: через горные леса к Чисюгоу, затем через Гочжуан и Лянчжуан... в Чанчжи... и к переправе Маоцзинь.

На этот раз Чэнь Гэ проявил стальную решимость. Он зазубрил каждое название и на рассвете двинулся в путь. Он хотел оставить вяленое мясо старику с внуком, но лодочник не взял ни кусочка. Чэнь Гэ лишь низко поклонился им и снова отправился в дорогу — один.

Он без остановки пробирался сквозь лесные чащи. К вечеру пересёк речушку у Чисюгоу, а до Гочжуана добрался уже глубокой ночью. Смертельно уставший, он напросился на ночлег в сарай к какому-то крестьянину. Никто не видел в нём угрозы: здесь все были настолько бедны, что их хижины казались жилищами первобытных людей.

Он провалился в сон, не замечая ни грязи, ни удушливого смрада.

Среди ночи Чэнь Гэ подскочил от пронзительных криков. Под собой он почувствовал не пол, а качающиеся доски — его сарай превратился в плот. Вокруг редела вода. Деревню смывало!

Наводнение, точно разъярённый зверь, пожирало всё на своём пути. В грохоте ливня тонули стоны гибнущих. Чэнь Гэ из последних сил затаскивал на свой обломок тех, кого видел рядом. Доски закрутило в водовороте. Всё превратилось в гигантскую центрифугу: небо и земля поменялись местами, в глазах потемнело.

Перед лицом стихии человек — прах.

Когда он пришёл в себя, в глазах всё туманилось. Ему почудилось, что его клюют золотые гуси. Он замахал руками, и птицы с криком разлетелись. Оказалось, он лежал на дне какого-то оврага среди обломков деревьев, битых горшков и раздутых трупов. Выжившие издавали хриплые, полные отчаяния стоны.

Птицы деловито клевали мертвечину, совершенно равнодушные к людскому горю.

Чэнь Гэ беззвучно заплакал, размазывая слёзы по щекам грязным рукавом. Кое-как поднявшись, он начал осматривать раненых. К полуночи ему удалось привести в чувство семерых.

— Оставь... меня... — хрипел один.

— Дай мне просто сдохнуть!

— Я хочу жить! Не бросай меня!

У каждого была своя боль, свой предел. Чэнь Гэ, не зная, что делать, собрал ветки и соорудил подобие волокуши — примитивные сани без колёс. Сгрузив туда всех раненых, он впрягся в верёвки и потащил их через горы.

«Не сдавайся, никогда не сдавайся! Сяо Эр, пока ты не упал и не лишился сил подняться — предела нет!»

«Только в движении есть шанс! Давай, за мной, не отставай!»

«Брат, я больше не могу... Брат... Мне всё ещё нужно бежать, чтобы догнать тебя?»

Под раскаты грома Чэнь Гэ бормотал эти слова, копируя голос Цзянь Юньлана. Верёвки врезались в плечи, раздирая кожу в кровь. На размокшей земле за ним тянулся глубокий, тяжёлый след.

К рассвету впереди показались огни деревни. Сделав короткую остановку, Чэнь Гэ понял, что не сможет пристроить всех сразу. К счастью, жажда жизни — или страх смерти — вновь вспыхнула в людях, и они побрели к домам просить помощи.

Никому не было дела до измождённого юноши. Чэнь Гэ не обижался. Он узнал дорогу и молча ушёл.

Он шёл, не различая дня и ночи. Промелькнули горные долины, осталась позади деревня Шиганцунь. Пересёк реку у Цзоцюаньцунь, долго блуждал в лесах и вышел к Сиинчжэню. Прошёл Лянчжуан, добрался до Хэкоучжэня.

В пути не было места меланхолии — всё сознание занимала лишь воля к жизни. Только в Хэкоучжэне он заметил, что дождь давно прекратился. Земля оживала, словно и не было никакого бедствия.

Впереди лежал Тунью — исконные земли царства Цинь.

<http://bllate.org/book/17509/1657535>